

РИЯ КЕРО

РАССВЕТ СТИХИЙ

СЕВЕРНАЯ ПАЛЬМИРА

18+

Рия Керо

**Рассвет стихий.
Северная Пальмира**

«Автор»

2026

Керо Р.

Рассвет стихий. Северная Пальмира / Р. Керо — «Автор», 2026

Однажды, похищенная из собственной постели, я оказалась в Пальмире — академии, затерянной в лесах под Петербургом, где миром правят стихии, а прошлое не отпускает. Чем дольше я смотрела на отражение дворца в туманной глади озёр, тем яснее понимала: всё, что я знала о мире, рассыпалось, как песочный замок, развеянный северным ветром. Но именно здесь, рядом с тем, кто знал обо мне больше, чем я сама, я впервые почувствовала себя живой. «Рассвет стихий. Северная Пальмира» — первая часть романтического фэнтези.

© Керо Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Петроград, 1916	6
Глава 1	8
Санкт-Петербург, 2020	8
Глава 2	13
Ленинградская область. Главный штаб Пальмирского круга.	13
Глава 3	14
Кампус Северной Пальмиры	14
Глава 4	17
Правое крыло кампуса Северной Пальмиры.	17
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Рия Киро

Рассвет стихий. Северная Пальмира

За ночной темнотой всегда следует рассвет — ждём или нет.

Пролог

Петроград, 1916

Кровь на перилах Петровского моста заметили только к утру. Ночь стояла морозная, и капли уже впитались в старое дерево, застыв тёмными пятнами, тянувшимися к воде.

На следующий день водолазы поднимут со дна тело небезызвестного мужчины. Того, кто месяцем ранее был охвачен таким гневом, какого не знал за собой прежде.

— Я назвала его Григорием, — сказала Мария, прижимая к груди младенца.

Григорий поперхнулся водой, которую только что отпил из стакана, и, прокашлявшись, процедил с презрением:

— Как ты посмела?!

— Он твой внук, отец. Я хотела, чтобы он носил твоё имя.

— Этот байстрюк? — он шагнул к ней. — Носил моё имя? Ты, верно, из ума выжила. Я скорее сброшу его в прорубь сейчас же.

Мария рухнула на колени, заслоняя собой ребёнка. Голос её дрожал, и она почти не дышала, когда взмолилась:

— Отец, пощади! Ради всего святого! Он ни в чём не виноват!

Григорий не слушал. Он протянул руки, чтобы выхватить младенца, но вдруг резко замер, и в ту же секунду всё в нём будто сжалось: плечи дёрнулись вверх, рука сжалась в кулак и глухо ударила в грудь, словно он пытался выбить из себя то, что встало поперёк горла. Вода в глотке застыла колом — он захлебнулся собственным вдохом. Глаза распахнулись так широко, что на белках проступили тонкие красные прожилки; в этом взгляде плескались растерянные мысли: почему я не могу дышать? Григорий пошатнулся и, не удержавшись, упёрся руками в пол.

— Отец! — закричала Мария.

Глаза его застыли от внезапно охватившего ужаса. Мария поползла к иконе, зашептала молитву. И вдруг из груди вырвался хриплый, клокочущий звук — он задышал. Так же внезапно, как начал задышаться. Молитва Марии оборвалась на полуслове.

Григорий с трудом приподнялся на локтях и посмотрел на младенца.

— Это он, — прохрипел тот. — Это он только что чуть не свёл меня в могилу.

Он замолчал, чувствуя, как леденящая догадка стирает последние сомнения: молитва здесь была ни при чём, значение имела лишь та, кто читала.

— У него тот же дар, что и у меня, — вынес вердикт Григорий, всё ещё хрипя.

Мария, всхлипывая, подползла к нему:

— Отец, пощади. Он не выбирал эту судьбу.

Григорий молчал. В его глазах боролись гнев, страх и восхищение.

— Чёрт с тобой, — сказал он наконец. — Но здесь ему не место. Я сошлю его в приют за границу. Маленький ублюдок не опорочит честь нашей семьи. С этим и ты неплохо справляешься.

Он повернулся и направился к двери:

— Прочь с моих глаз, пока не погубил.

На рассвете явился слуга. Протянул руки, и Мария на мгновение прижала ребёнка крепче, прежде чем отпустить. Потом он молча забрал спящего младенца. Она сжимала его руку и шептала сквозь слёзы:

— Его имя Дáриан. Запиши его как Дáриан. Я обязательно найду его.

Слуга молча кивнул.

У парадной его уже ждали. Машина тронулась по заснеженной мостовой и покатила по Гороховой улице. Григорий протянул слуге золотой медальон.

— Когда начнётся, надень его на мальчишку. Скажи: никогда не снимать. Когда придёт время — я найду вас.

— Как я пойму, когда начнётся?

Григорий усмехнулся краешком губ:

— Ты поймёшь.

Он вышел из машины через пару кварталов. И тут же рухнул на землю, схватившись за голову. Боль вспыхнула внутри — словно кто-то разжал раскалённые тиски в черепе, и по венам хлынул расплавленный свинец. И вдруг он услышал голос — тот самый, что уже звучал прежде, в те мгновения, когда будущее являлось ему как неизбежность. Голос мучил его долгие годы, а потом умолк. Но вернулся:

«Ждёт погибель тебя от стихий четырёх, кровь от крови твоей оборвёт твой век, не спасись тебе от руки одной».

Григорий очнулся в луже талого грязного снега. Холодный ветер гнал по безлюдному переулку колючую позёмку.

Позже его бездушное тело сбросят в прорубь Малой Невки и обнаружат по калоше, вмёрзшей в лёд.

Он уйдёт с вопросом, не найдя ответа: если пророчество предрекало гибель от стихий, почему же его убили простые люди? Или... оно всё ещё ждало своего часа?

Глава 1

Санкт-Петербург, 2020

Я выскользнула из бара ближе к полуночи — и холод ударил в лицо, едва дверь захлопнулась за спиной. Стекло дрогнуло от звука, и на мгновение сквозь приоткрытую щель провались музыка, гул голосов, чей-то смех — друзья продолжали отмечать мой день рождения, и этот шум остался там, за тёплым светом, а я шагнула в сырую сентябрьскую темень.

— Гуляй до утра, — убеждал отец. — Сегодня твой день.

Но я знала, что он всё равно будет ждать. С традиционным шоколадным тортом, горстью ягод и тёплых поздравлений.

Я побрела вдоль Рубинштейна, приводя мысли в порядок после череды нарядных коктейлей — они оставили во рту привкус сладкого сиропа и пряного лимона, а в голове — приятную, но уже ускользящую лёгкость. Машины проезжали реже, их шум таял где-то за поворотами, среди шелеста прелой листвы. Лишь однажды вдалеке хлопнула дверь парадной, и снова тишина. Только мои шаги по мокрому асфальту да редкие капли с карнизов.

Ветер с залива пронизывал до мурашек. Я подняла воротник пальто и прибавила шаг — лишь бы быстрее добраться до дома. Мокрый асфальт отражал мерцание фонаря, собиравшего погаснуть. Я почти бежала, когда впереди показалась знакомая арка.

Трёхпролётные проёмы из известняковых плит вели в глубину дворов — обрамлённые пилястрами и обелисками, они раскрывались поочерёдно, как кадры старой плёнки. Фасады, выходящие во двор, когда-то украшенные барельефами и балконами, теперь выглядели запущенными: красный кирпич нижнего яруса выкрошился, жёлтая штукатурка осыпалась, обнажая неровность стен.

Я схватилась за гладкую от времени ручку массивной деревянной двери и толкнула её в пустую парадную. Внутри пахло сыростью и временем. Лепнина на потолке, каменные лестницы, кованые перила — всё это сохранилось с дореволюционных времён, и каждый мой шаг отдавался глухим эхом, которое поднималось следом за мной по лестничным пролётам, как невидимый спутник.

Вставила ключ в замочную скважину, глухо провернула — и шагнула в прихожую. Высокие потолки, тёмный потёртый паркет и старый платяной шкаф в углу — он стоял здесь ещё до моего рождения. В прихожей пахло историей — старой краской, вентиляцией и временем, осевшим на стенах.

Из кухни тянуло сладким, густым ароматом шоколадного бисквита, обволакивая душу уютом. Я почти бегом пересекла прихожую, и детский трепет поднялся в груди, когда я шагнула в гостиную.

Отец сидел в старом кресле из орехового массива, обитом жаккардом, — ткань почти сливалась с его пижамным костюмом. На продавленном, удобном, любимом месте он сидел у окна, как всегда согнувшись над медицинской статьёй, с очками на кончике носа и вечной чашкой остывшего чая рядом. Услышав мои шаги, он отложил планшет, снял очки и поднялся с такой поспешностью, будто ждал меня каждую секунду.

Он стиснул меня — крепко, почти до хруста.

— Пап, задушишь.

— Прости, — он отстранился, но руки всё ещё держали меня за плечи, словно боялись, что я исчезну, если он разожмёт пальцы. — Я так соскучился.

— Мы живём в одной квартире, — подметила я, и в голосе проскользнула та привычная, тёплая ирония, которая всегда была между нами.

— Да, но я уйду, пока ты спишь, возвращаясь, когда ты уже в кровати. Встречают меня только Боткин да книги, разложенные повсюду.

Я усмехнулась. Боткин — огромный кактус, который папа притащил из больницы несколько лет назад. Его подарил один из пациентов вместо традиционного благодарного набора из коньяка и конфет. Кактус стал нашим идеальным домашним питомцем: не требовал прогулок в плохую погоду, не грыз обувь и внимательно слушал, когда я жаловалась на жизнь.

— Чай или кофе? — спросил отец, уже направляясь на кухню.

— Пожалуй, кофе, — ответила я, усаживаясь за стол.

Он по привычке налил мне большую кружку чёрного, без сахара, и отрезал щедрый кусок торта с тёмной глазурью — тем самым, со вкусом детства. Я почти жадно вцепилась в бисквит, и отец, глядя на меня, покачал головой.

— Как быстро летит время, — произнёс он тихо. — Ещё вчера ты была крохой, которая рисовала цветочки на моих диссертациях. А сейчас уже такая взрослая, учишься в медицинском. Мама бы тобой очень гордилась.

Я замерла с вилок на весу. Бисквит крошился в пальцах, но я не замечала.

Сомневаюсь, — пронеслась мысль. Если бы она знала, что медицинский я ненавижу. И вообще понятия не имею, чем хочу заниматься.

Но вслух ничего не сказала. Язык прилип к нёбу, и я просто жевала, распробуя нежный ванильный крем. На меня никогда не давили, я не боялась быть собой, выражать своё мнение. Но как могла я разочаровать человека, посвятившего мне всю жизнь, так мечтавшего, что я продолжу его дело? Я просто не могла.

Его взгляд изменился, когда он начал:

— Кстати о маме... Мне нужно тебе кое-что рассказать.

В его голосе появилась та самая серьёзность, от которой у меня внутри всё холодело, как в детстве, когда он из соседней комнаты звал меня по имени, а я мысленно перечисляла все свои косяки, за которые сейчас придётся отвечать.

— Я ждал подходящего момента, — начал он, не глядя на меня. — Год за годом думал: сейчас, пора. Но для таких разговоров никогда не бывает подходящего времени.

Я молчала. В горле застрял ком.

— Я удочерил тебя, когда ты была младенцем, — выдохнул он, и этот выдох был таким тяжёлым, будто он нёс его на себе годами. Положив руки на стол, сцепил пальцы так, что побелели костяшки.

— Мы не были женаты с Кирой.

Слово «удочерил» повисло в воздухе, не находя места в моём сознании. Я не почувствовала ничего, кроме тошноты, ваты в голове и странного отстранённого ощущения, что смотрю на всё это со стороны, из-за стекла.

— Это какой-то неудачный розыгрыш? — услышала я свой незнакомый голос. — Если да, то не особо смешно.

Отец покачал головой.

— Твоя мама... Кира не умерла при родах, — сказал он, и голос его дрогнул. — Она была любовью всей моей жизни. Она тоже любила меня, но не так, как мне бы хотелось.

Он замолчал. В комнате стало слышно, как дождь тихо стучит по старому подоконнику.

— Мы выросли вместе, поступили в медицинский и мечтали стать лучшими врачами... но она бросила учёбу и пропала на несколько лет, — голос его дрогнул. А когда вернулась... — он поднял глаза на меня, — у неё на руках была ты.

— Она ничего не объяснила, — продолжил он, и в голосе проскользнула горечь. — Сказала только, что должна исчезнуть. Попросила позаботиться о тебе. Я не мог отказать.

Часы на кухне громко тикали, словно отмеряя секунды моего самообладания.

— То есть она жива? — спросила я, и голос сорвался, превратившись в шёпот.

— Я не знаю точно, но полагаю, что нет.

Он указал на медальон у меня на шее.

— Кира оставила его тебе. Велела никогда не снимать.

Я провела пальцами по холодному металлу.

— И письмо, — добавил отец. — Она просила передать его в день твоего совершеннолетия. Но как ты уже поняла, я припозднился на пять лет.

— Я хочу его прочитать, — сказала я, и голос дрогнул.

Он кивнул, вышел в кабинет и вернулся с конвертом. На нём было написано: «Моей Агнии».

Я вскрыла его дрожащими пальцами. Внутри лежал пожелтевший лист. Буквы были выведены выцветшими чернилами, с лёгким наклоном вправо:

«Моя дорогая Агния.

Если ты это читаешь, значит, уже знаешь правду. Меня нет рядом, но я всегда была с тобой, даже если ты этого не чувствовала. Этот мир опасен. Медальон — не просто украшение. Оберегай его, никогда не снимай. И помни: судьба всегда догоняет, даже если очень быстро бежишь.

Я люблю тебя.

Твоя мама».

— А ты немногословна, мам, — прошептала я, пробегая по строкам во второй, в третий раз, словно надеясь, что между слов проступит что-то ещё, какой-то смысл, который я проглядела. Ничего. Только общие слова. Загадки.

И это всё? Всё, что она оставила своей дочери? Разочарование и злость накрыли одновременно.

— Просто оставила своего ребёнка и сбежала?

— Думаю, у неё не было выбора, — тихо сказал отец.

— Выбор есть всегда, — выпалила я, поднимаясь. — Мне нужно всё это обдумать...

Я выбежала из дома, словно за мной кто-то гнался, не разбирая дороги, пока дыхание не сбилось и я не оказалась у знакомой парадной, той самой, с чёрной лестницей на крышу, куда мы лазили с друзьями ещё подростками. Мокрые ступени скользили под ногами, но я не остановилась. Залезла на крышу, перебралась на вторую лестницу, ведущую к нашему тайному месту — небольшой кирпичной башне, разрисованной граффити, с коваными перилами по кругу. Сорвалась и рухнула на сырой, проржавевший металлический настил. Высота — пара метров, я ничего не повредила, но слёзы хлынули мгновенно. Разревелась как маленькая девочка, обидевшаяся на весь мир: на мать, на отца, на несправедливость. На то, что она даже не объяснила, почему ушла.

Не справившись с эмоциями, сорвала медальон с шеи и что было силы швырнула его с крыши с диким криком, вырвавшимся из груди, — словно пыталась отбросить саму мысль о ней, доказать, что я справлюсь и без неё.

В ту же секунду воздух пронзил оглушительный треск. Окна заброшенного дома напротив разлетелись вдребезги, словно невидимая волна ударила по стёклам, оставляя тёмные провалы в рамках.

Я вздрогнула, выругавшись, инстинктивно резко отшатнулась, врезавшись спиной в стену, и замерла, боясь пошевелиться. Дыхание перехватило.

— Что... что это было?

Но ответа не было. Только затишье после дождя, стеклянная крошка на мокром асфальте и медальон, мерцающий в луже под тусклым светом фонаря. В ушах шумела кровь.

От того, что произошло, отвлекли мысли, засасывающие в густое вязкое болото злости и жалости к себе. Я просидела на крыше до рассвета, размышляя и представляя, как бы всё было, если бы она меня не оставила. Мы жили бы счастливой семьёй?

Как можно оставить своего ребенка? — вопрос, который не находил ответа в моём сознании.

Небо над Петербургом начало постепенно светлеть, город просыпался медленно, как будто нехотя.

Спустившись, увидела медальон — он всё ещё лежал в луже, поблёскивая в первых лучах солнца. Я подняла его, испытывая смешанные сложные чувства, сжала так сильно, что края впились в ладонь, и пошла домой.

В квартире было тихо и пусто. Утренний свет едва пробивался сквозь плотные шторы. Отец уже ушёл. На столе лежала записка: «Позвони мне». Я смотрела на неё, но не могла заставить себя взять телефон. Просто прошла в свою комнату, села на край кровати и уставилась в одну точку, сжимая в руке медальон, на обратной стороне которого была гравировка: Г. Р. Пальцы всё ещё дрожали.

На экране забытого телефона было множество пропущенных звонков от отца. Сил ни на что не было, только одно желание — смыть с себя этот день. Зашла в ванну и стояла под душем, пока горячая вода лилась сверху, согревая продрогшее тело, — пока тоска не отступила хотя бы на шаг. Надев любимую мягкую пижаму в клубничку и поёживаясь от холода, залезла под одеяло.

Провалилась в сон без сновидений, как в тёмную воду.

Позже проснулась в темноте от громкого лая собаки за окном. Стрелки часов показывали половину десятого вечера. Я проспала весь день.

В голове медленно всплывали обрывки вчерашней ночи: разговор с отцом, письмо, крыша, разбитые стёкла. Машинально провела пальцами по шее, но медальона не было — он лежал на тумбочке. Винтажный, изящный, расписной золотой локет. Он не открывался, сколько я ни пыталась. Отец подарил его, когда я была ребёнком, сказал, что он мамин, и велел никогда не снимать. Я не снимала, мне и не хотелось. Это единственное, что у меня было от неё. Пальцы сами нащупали цепочку и застегнули его на шее. Так было привычней и спокойней.

Я уставилась в потолок, переваривая всё, что обрушилось на меня за последние сутки. Хотелось поскорее заснуть снова. Лежала и смотрела, как по стене ползут тени от веток за окном.

А потом услышала шёпот, доносящийся с балкона. Замерла, прислушиваясь, стараясь не дышать.

— Она здесь? — спросил мужской голос.

— Да, — ответил женский. — Я её вижу.

Я замерла. Шорохи не прекращались.

Поднялась и медленно пошла по паркету, стараясь не ступать на скрипучие дощечки. На ватных ногах добралась до балконной двери.

— Эй, — позвала я тихо. — Кто там?

Тишина.

Толкнула дверь и высунулась наружу. Балкон был пуст. Только мокрый металл блестел в свете фонаря.

— Чокнутая, — прошептала я себе и закрыла глаза, пытаюсь успокоить дыхание.

Из темноты выступили двое. Я не успела разглядеть их лиц — только тени, появившиеся слишком быстро.

Облако искрящегося жёлтого порошка окутало меня. Я вдохнула его, прежде чем успела понять, что происходит.

Мир поплыл. Звёздное небо распахнулось надо мной — и сон унёс меня в бескрайнюю
высь.

Глава 2

Ленинградская область. Главный штаб Пальмирского круга. Прошлой ночью.

Внутри бельведера, венчавшего одноэтажный дворец, царила напряжённая тишина. Холодный свет мониторов отражался от полированных столов, за которыми застыли хранители. Где-то тихо гудели серверы, и этот гул казался единственным живым звуком в просторном зале с высокими арочными окнами.

На приборной панели зажглась красная кнопка. Система зафиксировала всплеск стихийной энергии в городе.

— Не может быть! — воскликнула хранительница, вглядываясь в показатели. — Это же...

— Что такое? — к ней подошёл мужчина, бросив взгляд на экран. Его лицо стало серьёзным.

— Система зафиксировала несанкционированный выплеск стихии, — сказала она. — Источник находится в центре Петербурга.

— Выведите на главный экран, — приказал он, нахмурившись.

На карте города вспыхнула пульсирующая точка.

— Нужно срочно связаться с Верховным, — прокомментировал один из хранителей.

Он вышел, оставив всех в недоумении перед интерактивной картой. Через некоторое время вернулся с седым высоким мужчиной, с тяжёлым, внимательным, пронзающим взглядом. Его появление мгновенно изменило атмосферу в зале. Хранители, работавшие за столами, подняли головы и замолчали.

Верховный подошёл к экрану.

— Где именно? — спросил он озадаченно.

— Центр Петербурга, — ответила хранительница. — Мы уже начали отслеживать.

Верховный кивнул.

— Кто же ты... — произнёс он негромко, вглядываясь в алую точку.

Медленно повернулся к хранителям и добавил громче:

— Вы знаете, что делать. Действуйте по протоколу.

И вышел, не оглядываясь. Секунду в зале стояла тишина — только гудение приборов напоминало о том, что время не остановилось. Хранители переглянулись.

— Позовите Ярика, — сказал мужчина твёрдо. — Настало время продолжить династию. Пусть это будет его первое задание.

Глава 3

Кампус Северной Пальмиры

Перед глазами всё плыло и переливалось разноцветными пятнами, как в калейдоскопе. Я попыталась открыть глаза, но веки слиплись и казались неподъёмными.

— Давай, буди её, — сказал мужской голос. — Пять минут до начала.

— Не просыпается.

— Похлопай по щекам.

Кто-то легонько, но настойчиво похлопал меня по щеке.

— Щёлкни её, — предложил женский голос.

— А если не сработает?

— Мы должны успеть до речи Верховного.

Лёгкий разряд пронзил тело. Я распахнула глаза и жадно вдохнула прохладный воздух, будто до этого не дышала несколько минут. Ладони ощущали мокрый газон, источающий аромат свежескошенной травы.

Надо мной склонились двое — девушка со светлыми волосами и парень, которого я видела впервые.

— Я Злата, а это Ярик, — представилась девушка. — Мы не сделаем тебе ничего плохого. Слова ещё не успели долететь до сознания, а крик уже вырвался из горла:

— Помогите!

Я и сама не знала, зачем кричу. Страх? Паника? На что я надеялась?

— Да чтоб тебя! — воскликнул парень, отшатнувшись. — Ты чего орёшь?

Он взмахнул рукой, и на меня сверху посыпался мелкий серый порошок, похожий на пыль.

— Маковая пудра? Серьёзно? — девушка сжала губы в снисходительной улыбке.

— Зато теперь она будет тихой, спокойной и медлительной, как ленивец, — усмехнулся.

Я хотела возмутиться. Но паника, сжавшая грудь мгновение назад, отступила, словно её и не было, уступая место странной эйфории. Сознание уплывало в тёплый туман, но я всё ещё держалась за реальность.

Незнакомцы подхватили меня под руки. Ноги почти не слушались, я едва переставляла их, пока они вели меня вперёд по гранитной брусчатке.

Мы остановились перед тяжёлой старинной дверью из тёмного дуба. Вместо привычных ручек — две львиные головы с кольцами в зубах. Пасти львов скалились, а кольца тускло поблёскивали в свете уличных фонарей.

Парень взялся за кольцо в пасти льва, потянул — и дверь отворилась. Меня подтолкнули вперёд.

Зал оказался огромным. Даже сквозь маковую дымку, которая всё ещё путала мысли, я ощущала его величие. Высокий расписной потолок, хрустальные люстры, рассыпающие тысячи бликов по стенам.

Между колоннами свисали длинные полотнища ткани. Золотые, полупрозрачные, с вышитыми жар-птицами. Голубые, почти невесомые, со вздымающимися волнами, будто сошедшими с полотен Айвазовского. Зелёные, плотные, с могучими дубами. Тёмно-синие, полупрозрачные, с россыпью серебряных звёзд — словно лоскут ночного неба, сорванный ветром.

Зал был полон людей. Гости в роскошных костюмах и масках смеялись, звенели бокалами, кружились в танце. В центре били фонтаны с шампанским.

— Ты привлекла внимание, — заметила Злата.

— Благодарю, — ответила я с довольной улыбкой. — Это моя любимая пижама из шёлка. Хотите пощупать?

Они переглянулись.

— Ах да, об этом, — сказала девушка с лёгкой виной. — Переодевать тебя было некогда, да и не во что. Нам нужно было успеть до выступления Верховного. Так что давай без обид.

— Какие обиды, прелестные, — ответила я с блаженной улыбкой, разглядывая гостей.

Вокруг шептались. Я ловила обрывки фраз:

— Кто это?

— Она что, в пижаме?!

— Может, это новый тренд?

Я улыбнулась и помахала рукой гостям, косившимся на меня.

— Привет! Красивые маски! — воскликнула я. Один из мужчин поперхнулся шампанским.

— Агния, — тихо сказала Злата, — давай потише.

— Почему? — искренне удивилась я. — Они же старались. Посмотрите, как украсили зал. Это всё ради меня?

— Не совсем, — начал Ярик, но не смог сдержать улыбки.

В этот момент к ним подошёл один из гостей, что-то тихо сказал им. Они переглянулись.

— Нам нужно отлучиться, — сказал он. — Мы оставим тебя ненадолго.

— Никуда не уходи, — добавила она.

Я ничего не ответила, запрокинула голову и медленно водила пальцем по воздуху, вырисовывая невидимые узоры.

— Надеюсь, она нас поняла, — донёсся до меня мужской голос.

Над мной простирался величественный потолок с искусной росписью — его можно было рассматривать часами. Казалось, старые мастера вложили в него частицу души.

Неожиданно кто-то взял меня за локоть и резко потянул в сторону.

— Эй, полегче! — возмутилась я, пытаюсь высвободить руку. — Я же была занята!

Незнакомец не отпустил, увёл меня в сторону и развернул к себе. Я подняла голову, чтобы рассмотреть его лицо, — он оказался заметно выше. Капюшон мантии скрывал его почти целиком, приоткрыв лишь нижнюю часть с резными скулами и плотно сжатыми губами.

— Откуда у тебя этот медальон? — спросил он жёстко, не скрывая беспокойства.

Я машинально коснулась медальона на шее.

— С рождения, — беззаботно ответила я.

— Твоё имя? — спросил он, явно торопясь и сдерживая раздражение

— А твоё? — парировала я, кокетливо улыбнувшись. — Сначала назови своё.

Незнакомец сжал челюсти, не желая тратить время на пустые пререкания.

— Дариан, — процедил он сквозь зубы.

— Агния, — протянула я, затем посмотрела на свою пижаму и добавила: — Можешь звать меня Клубничкой.

Дариан шутки не оценил.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он резко, оглядываясь. — Тебя не должны были найти. Убейся немедленно, пока не заметил Верховный.

Он схватил меня, развернул и вытолкнул за дверь.

— Жди меня на парковке, — бросил он через плечо, прежде чем дверь захлопнулась.

Какой грубиян. Сонно подумала я, оказавшись снаружи и пытаюсь осознать, что только что произошло. К моему удивлению, дверь тут же открылась снова. Словно кто-то внутри нажал невидимую кнопку «вернуть гостью».

Сделала реверанс — нелепый, но с королевской грацией.

— Мерси, — громко сказала я и, гордо подняв голову, шагнула в зал.

Дариана уже не было. Он исчез, или просто растворился в толпе, но меня это не интересовало.

Я вернулась в зал как раз в тот момент, когда голос Верховного приувеличенно торжественно разнёсся под высокими сводами, заставляя зал замолчать.

— Дорогие друзья. Сегодня двадцать первое сентября — День мира и единения существ. Именно в этот день начинается каждый новый учебный год в Северной Пальмире. Мы собрались здесь, чтобы приветствовать тех, кто делает свой первый шаг в мир, где власть над стихиями — не просто легенда, а дыхание самой жизни.

Я слушала краем уха. Что-то о долге, наследии, ответственности. А потом он развернулся в мою сторону:

— И особенно я рад видеть наших новых гостей.

Верховный смотрел на меня в упор, но я никак не отреагировала. Единственным желанием было лечь и наконец уснуть.

— Она сейчас упадёт, — сказал парень, поддерживая меня под локоть. — Давай к тебе.

— Почему ко мне? — возмутилась девушка.

— Потому что она пропустит распределение, — усмехнулся он. — А ты, кажется, недавно мечтала о домашнем питомце.

Девушка шутливо толкнула его плечом, но спорить не стала. Меня подхватили с двух сторон и повели к выходу. Я с трудом переставляла ноги, волоча тапки с заячьими ушами.

Выйдя из зала, мы направились через тёмную аллею к правому крылу здания. Ветви нависали над дорожкой, скрывая небо. Только редкие фонари освещали путь.

Мы оказались внутри. Здесь было безлюдно — музыка и голоса остались за дверью. В полумраке старинные портреты на стенах казались живыми.

Мы начали подниматься по лестнице. На одной из картин старик в парике с орлиным носом повернул голову и подмигнул мне — по крайней мере, мне так показалось. Я хихикнула, подмигнула в ответ и пальнула указательным пальцем вверх, словно из воображаемого пистолета.

Злата вздохнула, но уголки её губ дрогнули.

Они втащили меня на лестничную площадку и повели по длинному коридору. Девушка остановилась у одной из дверей и открыла её.

— Это моя комната, — сказала она.

Комната оказалась небольшой, уютной и пахла лавандой.

Едва переступив порог, я сразу направилась к окну.

— Эй, ты куда? — крикнула Злата.

Из последних сил распахнула его, высунулась и громко закричала в ночь:

— Кому клубнички?

Где-то вдалеке раздался вой.

Меня штормило.

— Нужно её уговорить, — сказал он.

Злата подвела меня к кровати. Я рухнула на прохладную простыню, даже не попытавшись снять пижаму. Заячьи уши торчали в разные стороны.

— Что с ней делать?

— Пусть поспит. Дариан ждёт нас.

— Утро будет интересным.

Глава 4

Правое крыло кампуса Северной Пальмиры.

Я открыла глаза и тут же зажмурилась — даже тусклый свет за окном показался невыносимым. Голова раскалывалась, внутри черепа пульсировала тупая боль, словно кто-то методично бил молотком по затылку. Во рту пересохло.

Я увидела светлую комнату с высокими окнами в пол и старой мебелью: кроватью с резными ножками, комодом, туалетным столиком с круглым зеркалом в деревянной раме. На кровати напротив, поджав ноги, сидела худощавая девушка. В утреннем свете она выглядела почти беззащитной, но я точно знала, что именно она вчера участвовала в моём похищении.

— Проснулась? — тихо спросила она.

— Где я? — прохрипела я.

— Ты ничего не помнишь? Я Злата, ты в моей комнате.

— Помню, что вы меня похитили и накачали какой-то дрянью.

— Маковой пудрой, — спокойно сказала Злата. — Не волнуйся, это просто успокоительное. Сильное, но без последствий.

Видимо, поэтому я воспринимала происходящее с пугающим спокойствием. Я оглядела себя: пижама на месте, тапки валяются на полу. Я попыталась сложить пазлы вчерашней ночи — сверкающая люстра, мелькание масок, чей-то смех. Всё обрывками. Словно из памяти вырезали целые куски, оставив только рваные края.

— Вы сектанты? — спросила я осипшим голосом. — Или просто богатые психопаты, как в фильмах, где всех гостей убивают одного за другим, а в конце последняя выжившая бежит по коридору в окровавленной одежде?

— И то и другое, — с лёгкой усмешкой ответила Злата. — Но только по выходным.

Я замерла на мгновение, переваривая ответ, потом скривилась в притворной улыбке.

— Смешно.

Злата протянула стакан воды.

— Пей, легче станет.

Я посмотрела на стакан с подозрением и не взяла, хотя очень хотелось — по ощущениям, будто не пила несколько дней.

— Это просто вода. Если бы мы хотели тебя убить, уже бы сделали это.

— А вы вчера не этим занимались?

Она не ответила, только пожала плечами.

— Ладно, — я взяла стакан, не сумев совладать с жаждой, и опустошила его. Ещё никогда простая вода не казалась такой нужной — сознание начинало проясняться.

Поставив стакан на тумбочку, налила из графина ещё воды и посмотрела на Злату уже спокойнее.

— Кто вы такие? И почему я здесь?

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Мы — те, кто может управлять стихиями. Вода, огонь, земля, воздух.

Я на мгновение замерла.

Это реально происходит со мной?

Я заставила себя выдохнуть и сосредоточиться. *Представь, что ты психиатр, а она — пациентка. Нужно понять, как сбежать отсюда с минимальными последствиями.*

— Управлять стихиями? — медленно протянула я и нервно моргнула. — Допустим. Показывай. — я приподняла брови.

Злата вздохнула, перевела взгляд на стакан, который я поставила на тумбочку. Вытянула руку ладонью вниз, сделала несколько круговых движений и замерла — просто смотрела, сосредоточенно прищурившись.

Ничего.

Ну конечно. Что и требовалось доказать. Просто кучка умалишённых.

Я сжала губы и закатила глаза с внутренней мольбой перенести меня обратно домой магическим образом, но в этот момент вода в стакане дрогнула — пошла рябью, поднимаясь и закручиваясь в маленький водяной вихрь. Он вытянулся над краем стакана, замер на мгновение и со всплеском рухнул обратно.

Я смотрела, не в силах отвести взгляд.

Галлюцинации. Меня чем-то накачали. Или фокус, чтобы внушить, что это правда. Камеры? Где-то должны быть камеры.

Я быстро оглядела комнату. Ничего. Только старые обои, высокий потолок, наши отражения в зеркале.

— Что это было? — наконец произнесла я.

— Дар, — спокойно ответила Злата. — Такой же есть и у тебя.

Я смотрела на неё, пытаюсь понять, верит ли она в то, что говорит, или просто играет роль. Лицо у неё было спокойное, почти безмятежное, без тени насмешки — как у человека, который не сомневается в своих словах.

— Ты это серьёзно?

— Абсолютно.

— Поздравляю. Ты сумасшедшая. — вырвалось у меня.

Чёрт. Язык мой — враг мой. Нужно было молчать, втираться в доверие, а не провоцировать.

Но я не могла подыгрывать этому бреду.

— Я не сумасшедшая, — спокойно произнесла Злата.

— Все ненормальные так и говорят.

— Возможно, я и не нормальная. Но это ничего не меняет. Ты существо, как и мы.

— Боже, звучит как бред, помноженный на... что вы там нюхаете?

— Ничего мы не нюхает, — возразила Злата.

— В любом случае, мне это всё неинтересно. — я встала с кровати.

— Ты не можешь уйти, — крикнула Злата в спину.

— Ещё как могу. — я направилась к двери.

— Если ты попытаешься сбежать, тебя просто лишат сил.

— Вот и славненько, — бросила я.

— Ты не понимаешь. Последствия непредсказуемы. Ты можешь лишиться памяти, рассудка или даже умереть. Твоя жизнь уже не станет прежней.

Я остановилась у двери.

— Я не знаю, кто вы. Но вы все ненормальные, и я хочу поскорее убраться отсюда.

— Агния, не делай глупостей!

— Фокусница-психичка! — огрызнулась я и хлопнула дверью.

— Агния, стой!

Я не остановилась. Выскочила в коридор и побежала. Коридор тянулся бесконечно, стены давили, каждая дверь казалась одинаковой, эхо шагов преследовало меня, как погоня. Рванула вперёд, чувствуя, как пульс оглушает, кровь шумит в ушах, а в голове пульсировала одна мысль: только бы найти выход.

Я неслась мимо высоких окон и старых портретов, которые, как мне казалось, провожали меня взглядами.

Вот и лестница. Вниз, несколько пролётов — и я в холле. Широкие ступени из серого камня, выщербленные временем, с округлыми краями мелькали под ногами. Наконец впереди показали двустворчатые двери. Я открыла их и оказалась в саду.

Здесь было тихо, только птицы перекликались где-то вдалеке, воздух был всё ещё влажным. Я зажмурилась на секунду, а когда открыла глаза, заметалась, не понимая, в какую сторону идти. Действие порошка закончилось и подступившая паника сжимала горло. Кусты, деревья, аллеи — всё казалось одинаковым.

Нужно сохранять хладнокровие и не поддаваться страху.

— Стой, — раздалось сбоку.

Навстречу вышел широкоплечий мужчина. Я инстинктивно отшатнулась. Он крепко взял меня за предплечье.

— Ты ещё кто такой? — дёрнулась я.

— А память, как у рыбки, — усмехнулся он. — Я Дариан. Мы уже встречались.

— Если сбежишь, будет только хуже, — сказал он спокойно, но настойчиво.

— Убери руки! — я попыталась вырваться. Хватка была стальной.

Он не отпустил и одним движением развернул меня к себе.

— Если уйдёшь сейчас, твои силы вырвутся наружу. И ты даже не заметишь, как станешь нестабильной. А затем Совет пошлёт за тобой ищейку. И я уже не смогу тебе помочь.

— Себе помоги! Ты пытаешься меня напугать?

Он шагнул ближе. Так близко, что я почувствовала запах его кожаной куртки.

— Если бы я хотел тебя запугать, ты бы уже бежала не оглядываясь, моля о пощаде. А я просто пытаюсь вбить тебе в голову простую вещь: ты не человек. И чем быстрее примешь это, тем больше шансов, что не сгинеешь в ближайшие полгода. А теперь перестань вести себя, как капризный ребёнок и следуй за мной.

Я замерла. Сердце колотилось. Я чуть не задохнулась от возмущения, но злость вернула привычную уверенность. Сознание зацепилось за воспоминание о крыше и осколках разбитых стёкол. Всё казалось каким-то сюрреализмом, калейдоскопом бреда и помешательства.

— И твой отец... — начал он.

— Оставь отца в покое! — вырвалось у меня.

— Он тебя не узнает. Если ты сейчас вернёшься к нему, он просто не откроет дверь или вызовет полицию.

— Что ты сказал? — спросила за меня жгучая смесь тревоги и раздражения.

— Они стёрли его память, — продолжил он. — Чтобы он не искал тебя и не поднимал шум. Пойми: он обычный человек. А ты — нет.

— Этого не может быть, — ответила я, отрицая его слова каждой клеткой своего тела.

— Хочешь проверить? Я отвезу тебя к нему. Сама увидишь.

Он отпустил мою руку.

— Иди к чёрту, — бросила я и побежала к воротам, спотыкаясь о мелкие камни.

— Глупая девчонка, — пробормотал он себе под нос. — Ты пешком собралась? До города пара дней пути. А ночью в лесу голодные дикие звери.

Я замерла на секунду, обдумывая дальнейшие действия. Если действовать твёрдо и решительно, можно даже себя убедить в своей уверенности — я всегда пользовалась этим правилом. Обернулась. Он стоял на мощёной дорожке, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с абсолютным спокойствием, которое бесило ещё больше.

— И что ты предлагаешь? — процедила я.

— Могу отвезти. Сама убедишься, что я говорю правду, а потом... — он запнулся, — потом решишь, что делать.

Я встретила с ним взглядом, не веря ни единому слову. Не знала, кто он, зачем здесь, чего хочет.

Но вокруг был лес. До города — несколько дней пешком. В кармане ни копейки. На мне — пижама и тапки с заячьими ушами. Останавливать чужие машины в таком виде?

Хуже уже не будет. Если хотели убить — убили бы. А так — есть шанс добраться до города.

Я стиснула зубы.

— Ладно. Веди.

Мы сели в машину. Я вжалась в сиденье, глядя прямо перед собой.

— Пристегнись, — сказал он.

Я не шевельнулась.

— Ты глухая? Пристегнись.

Я щёлкнула ремнём, даже не взглянув на него.

Мы ехали молча. Дариан не заговаривал, я смотрела в окно на мелькающие деревья. Внутри klokотали злость и страх. Доверять ему явно не стоило, но я уже не могла воспринимать его слова как шутку или розыгрыш — осознавая, что слишком многое случилось за последние два дня, и невозможно игнорировать тот факт, что я вообще оказалась здесь.

Мы приехали в город ближе к вечеру. Он припарковался у старой петербургской больницы с портиком и высокими арочными окнами.

Здесь, у парадного входа, я столько раз ждала отца после работы — сидела на корточках, прислонившись к стене, пока он не выходил с портфелем и не говорил: «Ну что, бельчонок, пошли домой». Тогда мир был простым и понятным.

Отец уже был на улице — с кожаным портфелем в руке, он шёл не спеша, глядя себе под ноги.

Я выскочила из машины, даже не закрыв дверь, и бросилась к нему.

— Папа! — крикнула я, обнимая его. — Я так рада тебя видеть!

Он замер. Портфель выпал из рук.

— Девушка, вы ошиблись, — сказал он растерянno, мягко отстраняясь. — Я не... я вас не знаю.

— Папа, ты чего? — я вцепилась в его пальто, заглядывая в глаза.

Он посмотрел на меня с лёгкой неприязнью, как на назойливую попрошайку.

— Извините, — сказал он тихо. — Вы, наверное, с кем-то меня перепутали.

Он поднял портфель, обошёл меня и направился вдоль по улице.

Я стояла, не в силах двинуться. Тело сковало от шока.

Мой отец меня не узнаёт.

Человек, который был моей вселенной, для которого я была смыслом жизни, — просто прошёл мимо. Слёзы текли по щекам, но я даже не пыталась их вытереть.

— Папа, подожди! — отчаянный крик вырвался сам собой. — Это же я! Это что, какое-то шоу? Если так, я отказываюсь участвовать! Вы слышите? — я не знала, кому кричала, но справиться с эмоциями не могла.

Люди вокруг оборачивались. Кто-то ускорил шаг, кто-то замер в недоумении. Отец не обернулся. Он просто продолжал идти, не замедляясь, будто я была пустым местом.

Я стояла посреди тротуара, чувствуя, как холод пробирается под пижаму. Но холод был не снаружи, а внутри. Приступ паники подкатил, как тошнота.

Дариан шагнул передо мной.

— Смотри на мою руку, — сказал он тихо.

Он поднял её и начал загибать пальцы по одному — медленно, с паузами.

— Раз — вдох.

Я вдохнула. Он вдохнул вместе со мной.

— Два — выдох.

Я выдохнула. Паника отступала с каждым вдохом, с каждым сжатием его пальцев.

— Три — вдох. Четыре — выдох.

Я дышала в его ритме. Грудь перестала сжиматься. Земля больше не уходила из-под ног. Остался только его голос — тихий, ровный — и его глаза, в которые я смотрела.

Он замер на мгновение, когда я выровняла дыхание, и чуть наклонил голову, проверяя, здесь ли я. Я кивнула. Всколыхнувшая душу паника улеглась.

— Пойдём, — сказал он негромко.

Я была слишком подавлена, чтобы сопротивляться. Он довёл меня до машины, открыл дверцу и усадил на пассажирское сиденье. Благодарить не собиралась, потому что понятия не имела, что у него на уме.

Несколько секунд в машине висело молчание.

— Пойми, — сказал он, нарушив тишину. — Будет лучше, если пока он забудет о тебе.

Я подняла на него глаза.

— Пока?

— Если справишься с тем, что тебе предстоит, они могут вернуть ему память. Если ты этого захочешь. А пока ты опасна — и для него, и для себя.

Сквозь отчаяние пробилось что-то похожее на надежду.

Дариан завёл машину. Всю дорогу обратно я молчала, глядя, как за окном мелькают сумерки.

Мой прежний мир остался где-то там, за горизонтом. Впереди был только холодный, чужой, неизвестный. Но в груди, под тяжестью всего, ещё теплилась хрупкая надежда.

Вернувшись в комнату Златы, я рухнула на кровать. Хотелось оказаться дома, встряхнуть головой и понять, что всё увиденное за последние сутки — лишь странный сон. Но это был не сон — в этом я не сомневалась. Даже в бреду с температурой под сорок такое не приснится.

В этих мыслях сознание погасло.

Глава 5

Горячая вода обволакивала тело, вылезать из ванны не хотелось, словно это было единственное безопасное место в мире. Пар поднимался к потолку, оседая на кафеле мелкими каплями. В воздухе витал сладкий аромат фруктового геля, забытого кем-то на подвесной полке.

Овальное зеркало в тяжёлой позолоченной раме запотело, и отражение исчезло в белой дымке. Напротив, на старых латунных крючках, висели два махровых халата. За ними пряталась вторая дверь — я не заметила её, когда входила.

И пожалею об этом через минуту.

Дверь распахнулась без стука.

Я застыла, не успев прикрыться. В проёме стоял светловолосый парень — взлохмаченный, сонный, в распахнутом халате, и зубной щёткой во рту. Моргнув, увидев меня, и по лицу расплылась ленивая наглая улыбка.

— А утро доброе, — сказал он, вынув щётку с довольной усмешкой.

Я дёрнулась, прикрываясь руками. Вода плеснулась через край.

— Какого... — выдохнула я. Лицо заливало краской.

— Я почти ничего не видел, — сказал он, разворачиваясь и поднимая руки. Спокойствия слова не добавляли.

— Закрывать надо, — добавил он, отклонив голову, пытаясь через запотевшее зеркало разглядеть то, что не досмотрел.

— Вот и закрой её с той стороны! — рявкнула я.

Дверь закрылась. Я осталась сидеть в воде, чувствуя, как горят щёки. Вылетев из ванной, на ходу заматывалась в узкое махровое полотенце — оно едва прикрывало бёдра. Вода стекала по ногам, оставляя на кафеле мокрые разводы.

Высочив за дверь, увидела Злату: она порхала как фея вокруг низкого кофейного столика. На серебряном подносе дымились две фарфоровые чашки с блюдами, рядом лежали хрустящие тосты, в крошечных вазочках — масло и варенье. Два яйца в изящных подставках на ножках, белые тканевые салфетки, аккуратно сложенные треугольниками.

— Предупреждать надо! — бросила я, придерживая полотенце, норовившее сползти.

Злата виновато прикусила губу.

— Знаю, прости. У нас с соседней комнатой общая ванная, соединяющая мужское и женское крыло. Мы обычно закрываем обе двери.

— Судя по голосу, — продолжила она, — ты встретила Лукьяна, соседа Ярика. Не волнуйся, он безобидный.

Она кивнула на поднос:

— Я тут наколдовала завтрак. — не увидев на моём лице ожидаемой реакции, добавила: — Шучу. Всё, что смогла выудить из столовой.

Первым желанием было отказаться, но живот предательски заурчал, и я поняла, что спорить с ним бесполезно.

— Сейчас только переоденусь, — сказала я и развернулась к кровати. Когда вернулась после встречи с отцом, была слишком опустошена, чтобы заметить коробки у окна. Только утром заметила их по вещам, торчащим наружу.

— Кстати, откуда они? — спросила я, не оборачиваясь.

Злата помедлила.

— Ярик сказал, что вчера они зачистили твою квартиру, а Хранители стёрли тебя из воспоминаний близких тебе людей.

Слова ударили под дых. Я застыла на мгновение, чувствуя, как желудок стянуло в жгут.

Как можно просто взять и стереть чью-то жизнь? Сделать вид, что меня никогда не существовало? Словно я — пыль, которую смахнули со стола.

Но слёз не было — их заменила пустота.

Молча взяла из коробки первые попавшиеся брюки и футболку и скрылась в ванной, плотно закрыв за собой обе двери.

Когда вышла, Злата уже сидела за столиком, поправляя салфетку.

— Садись, — сказала она, кивнув на вторую чашку. — Чай остывает.

Села на краешек кресла, взяла чашку и сделала глоток. Мы ели молча. Я намазывала масло на остывший тост и постепенно начинала чувствовать себя менее отвратительно.

— Всё ещё злишься? — осторожно спросила Злата.

— Если честно, сил на злость уже не осталось, — ответила я, разбивая яйцо ложкой.

Злата подлила чая, внимательно глядя на меня.

— А знаешь, — начала она, помедлив, — я думаю, настало время познакомить тебя с Пальмирой.

— Вариантов немного, — усмехнулась я. — Так что веди.

А что я теряю? Всё, что можно было потерять, я уже потеряла.

Мы вышли из правого крыла — жилого корпуса кампуса. За спинами осталась аркада, в глубине которой темнели двери. Солнце пробивалось сквозь листву, и на старых каменных плитах чётко проступали потрескавшиеся края ступеней и причудливые узоры трещин.

Весь комплекс напоминал подкову, раскрытую в сторону парадного двора. От центрального трёхэтажного корпуса — старого дворца в стиле классицизма с портиком, высокими колоннами и треугольным фронтоном — в обе стороны отходили полукруглые галереи. Лёгкие, воздушные, они соединяли главное здание с двумя боковыми флигелями, создавая плавный переход.

У подножия колонн, прямо перед входом в центральный корпус, бил фонтан. Вода тихо струилась по каменным чашам, переливаясь на солнце, и казалось, что она звучит не для всех, а только для тех, кто умеет слушать.

— Это главный корпус, — негромко сказала Злата. — Здесь аудитории, балльный зал и библиотека.

Мы пересекли аллею и оказались у столовой — она располагалась в левом крыле. За столовой виднелась терраса, увитая диким виноградом. Плотные зелёные листья закрывали деревянный настил и стены, создавая ощущение уединения — будто ты внутри зелёного шатра. Столики, плетёные кресла с выцветшими подушками — здесь хотелось задержаться, откинуться на спинку и смотреть, как ветер тихо перебирает листву.

— Там можно уютно посидеть с чашкой чая, — добавила Злата, перехватив мой взгляд.

Далее начинался яблоневый сад. Деревья стояли плотно, переплетаясь кронами, и сквозь листву пробивался рассеянный свет, ложась на землю неровными бликами. Трава под ногами была мягкой, укрытой пожелтевшими листьями и ароматными яблоками, от которых веяло терпким медовым запахом.

— Это моё любимое место, — сказала Злата, опускаясь на скамью. — Особенно когда яблони цветут. Тогда пахнет так, что кружится голова. Закрываешь глаза — и кажется, что ты не здесь, а где-то совсем в другом мире. — Она помолчала, глядя на деревья. — Это и есть магия.

— Понимаю, — тихо сказала я, проведя ладонью по шершавому стволу.

Мы поднялись и пошли дальше. Дорожки из тёсаного камня вились между деревьями, то ныряя в густую тень, то выныривая на свет. В тени кустов копошились крошечные существа — ростом не выше колена, коренастые, с морщинистыми лицами и цепкими руками. Одни поливали цветы из небольших леек, другие перебирали ветки, третьи сидели на камнях, щурясь на солнце.

— Не наступи на них, — предупредила Злата. — Это овинники, древние хранители сада. Если разозлить хотя бы одного, они так запутают все дорожки, что будешь блуждать по саду, пока солнце не сядет. Корпус будет в двух шагах, но ты не сможешь к нему подойти.

— А если быть вежливой? — спросила я.

— Тогда помогут найти короткую дорогу, — улыбнулась она.

Один из овинников провёл рукой над увядшим цветком, и тот послушно расправил лепестки, вспыхнув ярко-алым, словно только что распустился.

— За садом — лабиринт, — сказала Злата, указывая вперёд. — Дальше открытые площадки для тренировок, а за ними озеро.

Я посмотрела в ту сторону. Лабиринт уходил далеко, теряясь за деревьями, и казалось, ему нет конца.

— И всё это — Северная Пальмира? — тихо спросила я.

— Только её кампус, — улыбнулась Злата. — Главная альма-матер России для существ.

Я обернулась. Главный корпус возвышался за спиной, тяжёлые драпировки на высоких окнах колыхались от сквозняка. На третьем этаже, за одним из окон, почудился силуэт. Кто-то стоял там и смотрел прямо на меня.

Я моргнула — окно было пустым.

— Ты чего? — спросила Злата.

— Ничего. Показалось.

Глава 6

— Пожалуй, пройдуся, — сказала я, глядя на аллеи, уходящие вглубь сада.

Злата кивнула:

— Хорошо. Я тогда схожу за нашей формой.

— Формой? — переспросила я.

— Ну да. Не подумала, вероятно, ты не заказывала. Скажи свои размеры, и Настасья Филипповна, наша экономка, подберёт для тебя что-нибудь.

Я продиктовала размеры и поблагодарила Злату.

— Встретимся позже, — сказала она, развернулась и ушла по дорожке в сторону жилого корпуса.

Я осталась одна в этом огромном саду, который, казалось, хранил больше тайн, чем любой из его обитателей.

Постояла, оглядываясь. Сад дышал тишиной — только птицы перекликались в кронах да овинники копошились в тени кустов. Сделала несколько шагов по дорожке, но потом остановилась. Взгляд упал на аллею, ведущую обратно к главному корпусу. Тяжёлые двери виднелись вдали — тёмные, с бронзовыми коваными ручками.

Библиотека, — вспомнились слова Златы.

Я развернулась и направилась туда.

Переступив порог, я замерла. Библиотека оказалась огромной. Стеллажи тянулись вверх, теряясь в высоте, а вместо привычного потолка над головой сияло ночное небо с россыпью мерцающих звёзд. Их свет был единственным освещением в этом зале.

Тишина, как и в любой библиотеке, здесь была особенной — не пустой, а наполненной. Она состояла из тысяч голосов, застывших между страницами, из шёпота веков, осевшего на корешках книг. Я стояла и слушала эту тишину, чувствуя, как время теряет значение.

Те же чувства я испытывала, посещая Российскую национальную библиотеку на Крылова. Сказать по правде, необходимости в её посещении не было — мне просто хотелось прикоснуться к истории, полистать старые книги под светом зелёных ламп, рассматривать её залы, бесшумно передвигаясь по ковровым дорожкам. Находя там подходящую научную литературу или занимаясь учёбой за ноутбуком, я могла забыть о проблемах и о том, что оставалось за её стенами.

Воздух был пропитан пергаментом и чернилами. Где-то вдалеке слышался тихий шелест страниц. В читальном зале, за длинными столами, сидели несколько человек. Они не поднимали голов, погружённые в чтение, и только лёгкий шелест страниц выдавал их присутствие.

— Необычно, правда? — раздался за спиной тихий голос.

Я обернулась. Рядом стояла девушка с большими глазами с лёгкой поволокой.

— Ясна, — представилась она. — Хранительница здесь.

— Агния, — ответила я.

Ясна чуть заметно улыбнулась, и в тот же миг с верхней полки сорвалась книга в тёмном кожаном переплёте, потёртом по краям. Она плавно проплыла через весь зал и мягко опустилась в мои раскрытые ладони. От неожиданности я едва не выронила её — сердце на секунду замерло, но руки сами потянулись навстречу.

На обложке когда-то красовалась позолота, но от неё остались лишь бледные следы. Едва угадывались вензеля, название расплылось в нечитаемую вязь. Только первые две цифры года издания проглядывали сквозь царапины и потёртости — «19...».

Я провела пальцами по выцветшим буквам, словно надеясь, что они заговорят сами.

— О чём она? — спросила я, поднимая глаза.

— Скоро сама узнаешь, — загадочно ответила Ясна и бесшумно ускользнула за дальние ряды, скрывшись в глубине зала, словно её и не было.

Я стояла под звёздным небом, с тяжёлым томом в руках и десятком новых вопросов в голове.

Я огляделась в поисках места. Взгляд упал на пустой дальний стол в тени высокого шкафа — звёздный свет падал на него не так ярко. Я направилась туда, села и положила книгу перед собой.

Секунду помедлила, чувствуя тяжесть переплёта на ладонях. Кожа мягко скрипнула, и я невольно вдохнула запах пыли и старой бумаги.

Я начала листать страницы, погружалась в текст, вникала в каждое слово — о четырёх ковенах, о кодексе существ, о порядке и хаосе. И когда прочитанное перестало быть просто набором фраз, а сложилось во что-то цельное, я попыталась перелистнуть следующую страницу. Вдруг они дрогнули, едва заметно, будто книга перевела дыхание.

Что за...?

Страницы зашевелились сами собой, плавно переворачивая одна другую, пока не замерли на главе с латинским названием: «Sanguis prohibitus».

Запретная кровь? — попыталась перевести я. Прочитала дальше.

«Смешанные браки между ковенами запрещаются. Виновный в нарушении сего закона приговаривается к бессрочному заключению в Долине душ. Дети, рождённые от подобных союзов — гибриды, они же сущности со смешанной кровью, — подлежат той же мере наказания, что и родители. Таковые признаются угрозой, несущей хаос, а посему к существованию среди ковен не допускаются».

1722 год.

Я дочитала до конца. Прочитанное с трудом укладывалось в голове.

Гибриды. Угроза. Хаос.

Я хотела перевернуть страницу, но книга мягко закрылась — будто кто-то невидимый придержал её за переплёт.

Я нахмурилась, провела пальцами по обложке, надеясь, что книга откроется снова. Но она лежала неподвижно, словно передумала мне доверять. Я поднялась, и книга почти бесшумно унеслась вдоль зала на своё место. Я поспешила найти Ясну. Она стояла у дальнего стеллажа, перебирая корешки книг, и, услышав шаги, обернулась.

— Почему ты дала мне именно эту книгу?

Ясна посмотрела на меня спокойно, чуть удивлённо, и покачала головой.

— Я не выбирала книгу, Агния. Это книга выбрала тебя.

Глава 7

Я вышла из библиотеки, и дверь за спиной закрылась с тихим стуком. Снаружи уже стужались сумерки.

Сколько же часов я просидела над книгой?

Сад дышал влажной прохладой — воздух пах мокрой землёй и увядающими листьями. Я направилась к жилому корпусу, всё ещё прокручивая в голове прочитанное.

Справа полыхнуло. Оранжевый свет на секунду выжег вечер.

Я повернула голову.

Лукьян стоял спиной ко мне — взлохмаченный, в панике пытался затушить подол платья девушки. Она визжала и отбивалась от него руками. Пламя уже погасло, оставив обгоревшую кайму и запах гари.

— А между нами пробежала искра, — усмехнулся Лукьян, поправляя волосы.

— Ты мне юбку подпалил! — завопила девушка.

Она развернулась и, громко стуча каблуками, унеслась в столовую.

Лукьян остался один. Провёл рукой по волосам, тяжело вздохнул и, не заметив меня, пошёл следом.

Я прикусила губу и отправилась за ним.

Толкнула тяжёлые двери с позолоченными вензелями и шагнула внутрь.

Обеденный зал поражал строгой гармонией — белые стены с фисташковыми молдингами, натюрморты в золочёных рамах, лепной декор по верхнему периметру. Высокие окна отражались в зеркалах над каминами, создавая бесконечную игру света. Круглые столы были накрыты белоснежными скатертями и уставлены фарфоровыми сервизами. В небольших хрустальных вазочках стояли свежесрезанные цветы. Мебель из резного золочёного дерева придавала залу особую нарядность.

Столовая встретила меня мягким светом настенных бра и гулом голосов. У дальней стены расположился длинный стол с серебряными блюдами: тонкие ломтики запечённого мяса в травах, корзины с хрустящими багетами, а хрустальные вазы с фруктами переливались в тёплом свете.

Я вдруг поняла, что голодна. Аромат запечённого мяса манил, заставляя желудок требовательно сжаться.

Злата и Ярик сидели у окна.

— Агния! — она заметила меня первой и помахала рукой. — Мы тебя потеряли. Садись.

Я направилась к их столу, но на полпути зацепилась ногой за ножку стула. Он с грохотом отлетел в сторону, и в тот же миг раздался звон. Чей-то поднос с посудой полетел на пол, а следом — женский возглас.

Я подняла глаза. Высокая светловолосая девушка отряхивала юбку от остатков ужина и пронзала меня ледяным взглядом.

— Ты совсем кривоногая?

— Извини, я нечаянно, — пробормотала я.

Она посмотрела на меня с лёгким пренебрежением — как на дворнягу, случайно забредшую в столовую.

— Ну конечно, — протянула она с натянутой улыбкой. — Извиняться будешь завтра на Тропе. Надеюсь, ты умеешь быстро бегать. Иначе останешься там навсегда.

Она развернулась и ушла, не оглядываясь.

Ярик присвистнул.

— В первый же день нажила себе врага. Молодчинка.

— Кто это был? — спросила я, садясь за стол.
— Славянская богиня воды, — сказал Ярик.
— Эм... Что? — переспросила я.
— По крайней мере, так она представилась мне при первой встрече.
— Это Дана, — перебила Злата. — Дочь одной из семей основателей.
— Важная особа? — спросила я.
— В таком случае мы тоже очень важные особы, — изогнулся Ярик, поправляя невидимую корону.

— Так мои соседи — неприкасаемые? — усмехнулась я.
— Мне нравится, как это звучит, — отозвался Ярик, игриво улыбнувшись Злате.
— Да такие же, как все, — попыталась объяснить Злата. — Никаких привилегий. Просто наши семьи входят в Пальмирский круг. Входили... — она запнулась. — Моя входила.

— Мы — продолжение династии Хранителей Пальмиры, — продолжил Ярик. — После обучения поддерживаем порядок, следим за законами, храним знания, помогаем Совету управлять кампусом.

— Но на Тропе этот статус не поможет, — добавила Злата. — Там все в равных условиях.

— А что за Тропа? — спросила я.

— Ты что, на Марсе выросла? — пробурчал Ярик себе под нос, откусывая ломтик хлеба. Я и правда ощущала себя так, словно выросла на другой планете.

Злата толкнула его локтем в бок и метнула в него многозначительный взгляд.

— Завтра утром всех новичков отправят в западный лес — каждый со своей точки старта. Задание простое: пройти свой маршрут. В противном случае ты не переходишь на первый уровень.

— И что будет, если я не перейду на первый уровень?

— Мне кажется, или тебе необходимо пособие «Пальмира для чайников»? — усмехнулся Ярик.

— Кстати, Тропа уже завтра, — кинул он, вставая из-за стола.

— Так быстро? — обеспокоенно воскликнула я.

— Здесь тебе не санаторий, — язвительно подметил он.

— Само дружелюбие, — посмотрела с укором Злата.

Я чувствовала себя новенькой, которая перешла в другую школу посреди года, перепрыгнув пару классов.

Мы шли молча, каждый думал о своём. Я отвлекала свои мысли от проблем и задумалась о том, как они за ужином переглядывались, договаривали друг за другом. Так легко, будто у них был свой язык, непонятный никому вокруг. У меня такого никогда ни с кем не было. Любопытство взяло верх.

— А вы... давно вместе? — спросила я, глядя то на Ярика, то на Злату.

Ярик фыркнул:

— Френдзона с пелёнок. Это самая долгая дружба между мужчиной и женщиной в истории человечества. Я даже памятник себе заказал, — он поднял руку, раздвинул большой и указательный пальцы и провёл ими в воздухе, словно вырисовывая невидимую надпись, — «Мужчине, который вытерпел».

Злата рассмеялась, но я заметила её взгляд. И в нём мелькнуло что-то, чего Ярик, похоже, не замечал. Или не хотел замечать.

Позже, уже в комнате, когда свет погас, я не выдержала:

— Злата... можно задам нескромный вопрос?

На секунду в темноте повисла тишина.

— Конечно, — ответила она.

— Ярик слепой? — спросила я.

Она рассмеялась:

— Даже ты заметила. Иногда мне кажется, что он и правда слепой, и глухой, и слегка туповат.

Мы рассмеялись.

— Я уже привыкла, — ответила она с ноткой горечи.

В комнате стало тихо. Я лежала в темноте, глядя в потолок. Сумбурные мысли настигли и не отпускали.

Нужно как-то быстрее адаптироваться, навёрстывать с космической скоростью.

И вдруг — шёпот:

— Агния...

Холод прокатился по позвоночнику. Я распахнула глаза, привстала, вглядываясь в темноту. Ничего. Только тени от веток ползли по стене, раскачиваясь от ветра.

Показалось.

Я снова легла, укуталась в одеяло. И не заметила силуэт за окном — он стоял неподвижно, не отрывая взгляда от стекла, и смотрел на меня.

Глава 8

Я проснулась от того, что кто-то настойчиво тряс меня за плечо, не давая провалиться обратно в сон.

— Вставай, — сказала Злата. — Проспишь первое же испытание.

Я с трудом разлепила глаза. Тяжелевшая голова давила на виски. За окном серый рассвет пробивался сквозь туман, висевший над садом.

— Который час? — прохрипела я.

— Семь. Через час сбор на площадке перед лесом.

Она стояла у зеркала, уже одетая в форму, напоминающую гидрокостюм с кожаными вставками.

Я села на кровати, пытаюсь прогнать остатки сна.

— А завтрак?

— Вместо завтрака, обеда и ужина у тебя сегодня сухпаёк, — ответила Злата. — Каждому выдадут рюкзак с припасами.

Я потёрла лицо ладонями. Сон не отпускал.

— Поторапливайся. Я за рюкзаком в общий холл, — сказала она, выскользнув за дверь, оставив меня наедине с утренним туманом в голове.

Нехотя поплелась к раковине, плеснула в лицо ледяной водой и подняла глаза к зеркалу. На меня смотрела незнакомая девушка — тёмные круги под глазами, потухший взгляд. Совсем не та, что ещё несколько дней назад беспечно сидела в баре с друзьями. Впрочем, мой внешний вид в тот момент был мне безразличен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.